

На правах рукописи

Шульга Даниил Петрович

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КИТАЯ В РАННЕМ
ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ**

Специальность 07.00.06 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени кандидата исторических наук

Новосибирск – 2018

Работа выполнена в отделе археологии палеометалла Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН).

Научные руководители:

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
Полосьмак Наталья Викторовна

кандидат исторических наук, доцент
Комиссаров Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»,

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Горно-Алтайский государственный университет», Научно-исследовательский центр истории и культуры тюркских народов.

Защита диссертации состоится «24» декабря 2018 года в 12.30 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и на официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета, д-р ист. наук

С.В. Маркин

Введение

Актуальность темы диссертации. Северный Китай, понимаемый в рамках настоящего исследования как совокупность территорий двух современных автономных районов (Нинся-Хуэйского и Внутренняя Монголия), провинций Ганьсу и северной части Шэньси, – обширный регион, расположенный в центре Азии. На этой территории сосредоточено множество археологических памятников различных исторических эпох. К настоящему времени здесь исследовано значительное количество археологических объектов раннего железного века (кон. VII–III вв. до н.э.). Накопленные материалы позволяют более детально рассматривать проблемы культурно-хронологического характера, социально-экономические отношения, быт, занятия, а также систему мировоззренческих представлений людей того периода. К изучению различных аспектов социокультурного развития ранних кочевников и полукочевников, земледельцев Северного Китая и сопредельных территорий обращались многие исследователи. Однако пока отсутствуют труды обобщающего характера, где в рамках единой культурно-исторической концепции, методологии и комплексного подхода была бы представлена реконструкция хозяйствования и системы мировоззрения населения Северного Китая VI–II вв. до н.э. Ощущается недостаток монографий, синтезирующих археологические материалы этого региона. Малая доступность литературы на китайском языке рождает необходимость познакомить русскоязычных исследователей с характерными чертами археологических культур Северного Китая.

В предлагаемой диссертационной работе на основе опубликованных итогов раскопок памятников раннего железного века Северного Китая, древнекитайских письменных источников, а также с учётом современных методологических и методических подходов отечественных и зарубежных специалистов в области исторических реконструкций представлены

результаты исследования археологических материалов и их интерпретация. Всё это позволит заложить основы для дальнейших научных построений, направленных на выявление конкретных тенденций и закономерностей развития духовной и материальной культуры населения Северного Китая в VI–III вв. до н.э., носящих универсальный характер для многих этнокультурных образований, формирующих «кочевую цивилизацию» Центральной Азии. «Кочевая цивилизация» обладала некой общей поступательностью развития, закономерностями взлётов и падений, хозяйственной схожестью, что позволяет с некоторой долей условности переносить часть информации о быте отдельных описываемых племён на всю общность.

Объект исследования – археологические памятники населения Северного Китая раннего железного века (в означенных выше территориальных границах).

Предмет исследования – погребальный обряд и вещевой комплекс скифоидных культур Северного Китая в VI–III вв. до н.э.; реконструируемые на их основе хозяйство и система мировоззрения в процессе их становления и развития.

Можно выделить основную **цель** настоящей работы: на основании полученных в результате археологических данных, а также других (по большей части – письменных) источников охарактеризовать этнокультурную ситуацию в Северном Китае VI–III вв. до н. э., реконструировать основные черты хозяйственной, социальной и духовной жизни. Выполнение целей предполагает решение следующих **задач**.

1. Систематизировать археологический материал скифоидных культур населения Северного Китая в VI–III вв. до н.э.
2. Систематизировать массив рассмотренной в рамках изысканий литературы и источников, выявить их особенности.
3. Произвести анализ основных элементов погребального обряда и вещевого комплекса культур маоцингоу, янлан и шацзин VI–III вв. до н.э. В

соответствии с этой схемой рассмотреть место локальных памятников, не вполне вписывающихся в характерные для региона археологические культуры.

4. Реконструировать основные черты хозяйственного комплекса и социальной организации населения Северного Китая в раннем железном веке.

5. Обозначить доминирующие особенности духовной культуры населения Северного Китая в раннем железном веке в контексте скифо-сибирского мира.

Территориальные рамки исследования географически в основном соотносятся с территорией современных Нинся-Хуэйского автономного района, автономного района Внутренняя Монголия и провинции Ганьсу. Они определяются территорией распространения и степенью изученности археологических памятников культур маоцингоу, янлан и шацзин, почти не контактировавших с культурами Синьцзяна. Из анализа археологических данных ясно, что Синьцзян, с одной стороны, и северо-восток Китая (Дунбэй) – с другой, сильно отличались от избранного нами региона, хотя предметы «скифской триады» имеются и там. На сегодняшний день можно говорить о принадлежности их к трём разным областям скифо-сибирского мира. Близость друг к другу указанных культур Северного Китая ярче всего проявляется в искусстве, формах предметов вооружения, поясной фурнитуры и снаряжения верховой лошади, а также некоторых общих особенностях погребального обряда, унаследованных с эпохи бронзы.

Северо-восточные территории, в основном, представленные более ранними археологическими культурами IX–VII вв. до н.э., существенно отличались между собой по типу хозяйства и вещевому комплексу и в VI–III вв. до н. э., что в значительной степени определялось природно-климатическими условиями. Набор конской сбруи там очень самобытен и слабо соотносится с западными культурами, особенно на раннем этапе [У Энь, 2007, с. 174–251]. Оружейный комплекс испытывал определенное

китайское влияние. Хозяйственный тип был достаточно далёк от классического кочевого, о чём свидетельствует как набор артефактов, так и свидетельства авторов Древнего Китая [Ян Цзяньхуа, 2004, с. 124–127]. В эпоху Чжаньго эти различия сохранялись. Именно северо-восточные территории лучше всего отображены в письменных источниках Древнего Китая.

Свои отличия в хозяйстве, погребальном обряде и вещевом комплексе имели и культуры центральноазиатского круга (территория Горного Алтая, Восточного Казахстана, Синьцзяна, Тывы и Западной Монголии), известные почти исключительно по археологическим данным. Большинство из них представляли европеоидное население, уже с VII в. до н. э. находившееся под заметным сакским влиянием. В свою очередь, культуры Северного Китая, большей части Монголии и Забайкалья представляли собой особую общность, сложившуюся ещё в эпоху бронзы. Рубеж между центральноазиатской и восточной общностями пролегал примерно по современной границе Синьцзяна и Ганьсу, а также Центральной Монголии. Об этом свидетельствует тот факт, что даже материалы из восточных областей Синьцзяна, например, могильника Дунхэйгоу, принципиально отличаются по многим позициям от ближайших, находящихся примерно в 600 км к юго-востоку, памятников культуры шацзин в Ганьсу. В их числе погребальный обряд, вещевой комплекс, степень китайского влияния, а также антропологические характеристики и прочее [Чэнь Лян, 1998, с. 65–78]. Можно говорить о существенных в раннем железном веке хозяйственных различиях в Западном крае (Синьцзян), с одной стороны, и во Внутренней Монголии, Ганьсу, Нинся-Хуэйском АР – с другой. Доказательством тому служит обилие и разнообразие своеобразной крашеной керамики в восточном Притяньшанье [Худяков, Комиссаров, 2002; Варёнов, Бауло, 2003, с. 294–298; Шульга П.И., 2010а], и отсутствие её в Северном Китае [У Энь, 2007, с. 366]. Многие восточном Притяньшанье имели характерные для оседлого населения могильники и разнообразную

керамику. На это, в частности указывает обнаружение в погребении M2069 могильника Янхай-2 культивируемой виноградной лозы [Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна, 2004, с. 29]. В отличие от них население Внутренней Монголии, Ганьсу и Нинся-Хуэйском AP в VI-III вв. до н. э. преимущественно занималось скотоводством.

Хронологические рамки работы отражают период существования скифоидных культур VI-III вв. до н.э., представленных в восточной части степного пояса Евразии пазырыкской, уюкско-саглынской, тагарской и чандманьской культурами, а также культурами плиточных могил (КПМ), маоцингоу, янлан, шацзин и другими. Начало этого периода на территории от Причерноморья до Тувы до восточной части Синьцзяна приходится примерно на середину VI в. до н.э., когда в этой части скифского мира полностью угасают культуры раннескифского облика. В относительно изолированной восточной части скифоидного мира от Забайкалья до Хуанхэ этнокультурные процессы происходили не столь резко, но культуры янлан, маоцингоу, и, по-видимому, шацзин, также появились в VI в. до н.э. и существовали синхронно культурам Синьцзяна и Саяно-Алтая в VI-III вв. до н.э.

Источниковая база. В процессе анализа, интерпретации археологических данных и реконструкции систем хозяйствования и мировоззрения широко привлекались:

1) археологические материалы, опубликованные в статьях и монографиях, посвящённых различным аспектам изучения культуры населения Центральной Азии и сопредельных территорий скифской эпохи;

2) музейные коллекции, осмотренные и зафиксированные автором во время научных командировок в КНР, а также материалы сибирских музеев;

3) письменные свидетельства древних авторов (Сыма Цянь, Фань Е, Чэнь Шоу, Геродот, Страбон);

4) религиозно-философские источники Древнего Ирана, Индии (Авеста, Ригведа и др.);

5) этнографические исследования культуры кочевников-скотоводов Центральной Азии.

Методология и методы исследования. В процессе сбора различных источников и первичной их обработки, а также историографического анализа литературы применялись специальные методы истории, археологии, этнографии, источниковедения (изучение планиграфии могильников; типология, классификация; статистический, сравнительно-исторический анализы и др.). В рамках применяемого подхода отдельные археологические предметы и комплексы исследуются как нечто целое, состоящее из отдельных элементов, способных развиваться, не изменяя характеристик системы.

Автор исходит из принципов исторического материализма, главным образом методического инструментария, представленного в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Археологи советской эпохи провели значительную работу по адаптации классического марксизма к специфике обществ Евразии. Автор настоящего диссертационного исследования видит прекрасную возможность проследить постепенное развитие производительных сил и производственных отношений на основании имеющихся источников в рамках марксистской методологии.

С середины прошлого века значительно расширилась источниковая база археологических исследований, так что большое значение приобрели исследования, где затрагиваются проблемы интеграции данных археологии и этнографии. Иногда идёт речь об отдельной дисциплине «этноархеологии», которая может достичь больших успехов в изучении социокультурных явлений [Томилов, 1995, с. 179]. Автор настоящей работы не склонен к подобному радикализму, но данные этнографии в значительной степени способствуют пониманию социально-экономической жизни ранних номадов.

По имеющимся данным в однотипном природном окружении сложившаяся на Саяно-Алтае и в Монголии в скифское время система кочевого скотоводства существовала без особых изменений до XVIII-XIX вв., вне зависимости от этнической и языковой принадлежности сменявшихся народов.

При выработке единой методологии и методики реконструкций материальной и духовной культуры на основе широкого круга источников использовались: 1) общетеоретические основы отечественной археологической науки (В.В. Генинг и др.); 2) элементы структуралистского подхода к культуре любого общества как к системе взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, обладающих предметным и семантическим значением (К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман); 3) общее представление о соотношении «базиса» и «надстройки» в рамках марксистской науки в её современном состоянии.

Степень разработанности. Научная новизна заключается в том, что в данном диссертационном исследовании впервые в систематизированном виде вводится в научный оборот значительный объём опубликованного в Китае археологического материала, прежде почти не доступного русскоязычному исследователю. Стоит отметить, что материал в данном исследовании дан в соответствии с принятой в отечественной науке системой обработки и публикации материалов, которая отличается от подходов многих китайских коллег. В предлагаемой диссертации воссоздана картина хозяйственного и культурного развития населения Северного Китая в VII–III вв. до н.э.; собраны и систематизированы материалы по погребальному обряду и вещевым комплексам, вводятся в научный оборот новые и малоизвестные погребальные памятники, проделан сравнительный анализ с культурами среднескифского времени Саяно-Алтая и Синьцзяна, в том числе артефактов с чертами скифо-сибирского звериного стиля, где удалось выделить ряд существенных характеристик в русле хронологической и культурной принадлежности.

Особый интерес представляет исследование начального этапа формирования в районе озера Дайхай культуры маоцингоу – одной из самых ярких в Северном Китае. Это первый случай в восточной части скифского мира, когда удалось с высокой степенью достоверности установить участие в этом процессе выходцев из гор Цзюньдушань на востоке (культура юйхуанмяо), а также культур шацзин и янлан с юго-запада, находившихся от озера Дайхай на 300–900 км.

Положения, выносимые на защиту:

1). На основе материала погребений раннего железного века с территории Северного Китая (совр. Ганьсу, Нинся-Хуэйский АР, АР Внутренняя Монголия) разграничены и охарактеризованы памятники трёх археологических культур: маоцингоу, янлан и шацзин. Так называемая археологическая культура таохунбала, напротив, является группой разнородных памятников. Установлено, что культура маоцингоу формируется в районе озера Дайхай преимущественно на основе культуры юйхуанмяо с участием расположенных к югу от Ордоса и в Ганьсу культур янлан и шацзин.

2). Скифоидные культуры Северного Китая в VI–III вв. до н. э. традиционно с эпохи бронзы поддерживали тесные связи в меридиональном направлении с кочевниками Монголии, Забайкалья, и, опосредованно, с Минусинской котловиной. Контакты в западном направлении с населением современного Синьцзяна до эпохи Цинь (т. е. до II в. до н. э.) практически не фиксируются. В частности, не выходила на запад за пределы Ганьсу и культура шацзин.

3). В течение VI–IV вв. происходило неуклонное продвижение земледельческого населения царств хуася в северном и западном направлениях, к III в. до н. э. вытеснявшего и ассимилировавшего скотоводческое население с наиболее плодородных земель в районе Ганьсу, Ордоса и гор Цзюньдушань.

4). На границах государств Великой китайской равнины (ВКР) в VI–IV вв. до н. э. существовало несколько полуварварских государств типа Чжуньшань, служивших передаточным звеном между ВКР и степью, и оказывавших заметное влияние на эти стороны.

5). Хозяйство носителей культур маоцингоу и янлан, судя по археологическим, и, косвенно, письменным источникам, в основном базировалось на скотоводстве. Культура шацзин имела более выраженный земледельческий компонент в экономике.

Апробация работы. *Апробация результатов работы.* По теме диссертации Шульга Д. П. делал доклады на конференциях в России (РАЭСК (2006 – 2011 гг.; МНСК (2006–2011 гг.), «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» (2009 г.), «Всероссийский археологический съезд» (2014 г.), «Северный археологический конгресс» (2015 г.), «Черноморские чтения» (2016 г.), «Лазаревские чтения» (2017 г.), «Баландинские чтения» (2016 г.), «Дальний Восток России и Китай» (2017 г.) и др.), в Китае (2013 г.) и Белоруссии («Молодость. Интеллект. Инициатива» (2015 г.)).

По теме исследования издано 19 работ, 7 из них – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований. Авторский вклад составляет 9,7 п. л. листа.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, трёх глав и заключения. *Первая глава* является обзором источников и литературы по теме; выделяются части в соответствии с особенностями источников и научной литературы. *Вторая глава* посвящена анализу этнокультурной ситуации путём изучения погребального обряда и наиболее ярких вещевых комплексов рассматриваемых археологических культур Северного Китая. Источником являются материалы могильников, результаты раскопок которых опубликованы китайскими, а также зарубежными и отечественными исследователями. Темой *третьей главы* является культурная, хозяйственная и социально-политическая жизнь кочевников скифского времени в Северном Китае. Источниками для реконструкции

стали погребальный обряд и инвентарь, сообщения древнекитайских авторов, искусство и широкий круг аналогий из пояса степей Евразии.

Основное содержание работы

Первая глава «Источники и их особенности, историография» посвящена атрибуции и использованию различных типов источников (в основном, письменных и археологических), краткой истории изучения номадов Северного Китая в отечественной, китайской и европейской науке.

В параграфе 1.1. **«Археологические источники и вопрос их хронологической атрибуции»** кратко описываются объективные сложности датировки комплексов и артефактов культур маоцингоу, шацзин и янлан. Вопросы хронологии памятников и отдельных изделий скифоидных культур в Северном Китае всё ещё далеки от разрешения, несмотря на соседство с государствами эпохи Чжоу. Причин тому несколько. Во-первых, китайские изделия встречаются в захоронениях «варваров» не так часто, как это может показаться. Так, в Ганьсу в культуре шацзин их пока не обнаружено. Там они появляются только в прилегающей к Цинь восточной части и на позднем этапе – в памятниках III в. до н. э. типа Мацзяюань [Ван Хуэй, 2013]. Подобная ситуация и в Ордосе, где в могильниках Алучайдэн и Сигоупань, относимых к памятникам типа таохунбала, были найдены золотые и серебряные предметы, изготовленные в мастерских Цинь, Чжао и Янь. Они обнаружены в погребениях, совершавшихся с конца IV по конец III вв. до н.э. [Bunker, 1997, с. 51]. Нет китайских изделий и в культуре янлан, а в маоцингоу известно всего несколько клевцов. К востоку от Ордоса китайские изделия зафиксированы, в основном, только в памятниках VIII–VI вв. до н.э. культур верхнего слоя Сяцзядянь и юйхуанмяо. Во-вторых, среди изделий, изготовленных в чжоуских государствах (или близких им «полуварварских» государственных образованиях типа Чжуншань), узко датирующими являются только бронзовые ритуальные сосуды и некоторые изделия с

надписями. Таковые встречаются редко. Например, их совсем нет в памятниках VI–IV(III) вв. до н.э. хорошо изученных культур шацзин, янлан и маоцингоу. В-третьих, в погребениях указанных культур отсутствовали или не сохранились стволы деревьев большого диаметра, по которым можно сделать дендрохронологическую шкалу значительно протяжённости, датируемую по методике «wigggle-matching» [Слюсаренко, 2010]. Имеющиеся в настоящее время в Китае немногочисленные радиоуглеродные даты по костям, остаткам дерева и углям из погребений скифоидных культур, как правило, дают разброс в несколько столетий, и пока могут привлекаться с большой осторожностью, что признают и сами китайские коллеги. Привлечение аналогий из Саяно-Алтая осложняется более ранним появлением некоторых категорий вещей в Северном Китае по сравнению с Южной Сибирью, что демонстрируют материалы могильника Юйхуанмяо. Например, материалы этого самого крупного и информативного в Северном Китае могильника (400 могил, 18 тысяч бронзовых изделий) однозначно показали, что поясные пряжки с носиком появляются на севере Китая не в V–IV вв. (как на Саяно-Алтае), а уже в VII в. до н.э. Там же зафиксированы костяные накладки на лук и свистунки стрел, появляющихся на Саяно-Алтае только через 500 лет во II в. до н.э. Следует признать, что в отличие от Синьцзяна, привлечение материалов из Южной Сибири для датирования памятников Северного Китая если и может производиться, то с оговорками.

В параграфе 1.2 **«Специфика китайских летописных источников»** перечисляются используемые в исследовании произведения китайских историков. Особое внимание уделено чрезвычайно сложной проблеме интерпретации «этнонимов», содержащихся в китайских письменных источниках, а также проблеме соотнесения археологических культур с этносами древних летописей. Необходимо признать их условность, поскольку согласно китайской традиции одно и то же название могло столетиями использоваться для обозначения «варваров», проживавших к

северу или к западу от Поднебесной, несмотря на происходившие там смены этносов.

Чаще всего мы имеем дело с политонимами, и частота их появления и использования в древнем источнике зависела отнюдь не от исследовательского интереса летописца, а от полезности или опасности того или иного кочевого объединения для Поднебесной. Из этого следует, что содержание, вкладываемое древними летописцами в сообщения о «варварах», могло существенно отличаться от реального и должно восприниматься критически современными исследователями, что, конечно же, не отменяет полезности такого рода письменных свидетельств.

В параграфе 1.3 **«Исследовательская литература»** произведен краткий обзор публикаций исследователей, рассмотрены причины особого интереса советской науки сер. XX в. к артефактам из Китая. В диссертационном исследовании рассмотрены подходы, методики и точки зрения китайских археологов по затрагиваемым темам и направлениям. Отмечены произошедшие в последнее время положительные изменения, в том числе заметно усилившийся интерес археологов КНР к истории «северных варваров». Дело в том, что в Китае датировка памятников I тыс. до н. э. традиционно производилась по бронзовым ритуальным сосудам и их керамическим копиям. Круг используемых хронологических маркеров расширяется за счёт других категорий инвентаря – оружия, поясной и сбруйной фурнитуры [Цзин Чжунвэй, 2013; Шао Хуэйцю, 2005].

Вторая глава «Археологические культуры Северного Китая второй половины VII–III вв. до н.э.» посвящена анализу памятников и артефактов трёх культур (шацзин, янлан, маоцингоу) и одной группы памятников (таохунбала).

В параграфе 2.1 **«Культура шацзин»** речь идет об археологических объектах данной культуры, погребальном обряде и инвентаре. Культура шацзин получила своё название по одноимённому археологическому памятнику в уезде Миньцин в провинции Ганьсу. Первоначально

хронологические рамки этого культурного явления были определены периодом 3500–1700 гг. до н.э., а «этап Шацзин» датировался 2000–1700 гг. до н.э., но в 1943 г. он был «омоложен» до 700–500 гг. до н.э. [Сутягина, 2008а, с. 134]. По современным оценкам ареал культуры шацзин совпадает с восточной частью Ганьсуского коридора и ограничен на севере пустыней Тэнгэр. Наиболее яркие археологические памятники культуры шацзин: Хамадунь (городище и могильник), Саньцзяо (городище и могильник), Шацзин (городище и могильник), могильники Сиган и Чайваньган. Могилы представлены двумя видами: в вертикальных ямах с отвесными стенками и в подбоях. По обряду выделяются три типа погребений. В первом умершего укладывали вытянуто на спине лицом вверх, во втором – скорченно на боку. К третьему типу относятся вторичные погребения. На поселениях культуры Шацзин среди находок преобладает керамика. На городище Саньцзяо большая часть сосудов имела значительную примесь относительно крупного песка, качественной посуды немного [Ли Шуйчэн, 1994, с. 514]. Большая часть керамики имеет красно-коричневый цвет, с сероватым оттенком. Серая керамика малочисленна, всего около 5% от общего числа находок. Все сосуды ручной лепки, некоторые изделия сделаны по ленточной технологии. Есть следы затирания пальцами поверхности сосудов. Мелкие керамические изделия иногда довольно грубо выполнены. Керамика имеет толстое дно, сама посуда зачастую довольно крупных размеров. Обжиг высокотемпературный. Орнаментация поселенческой керамики разнообразна: в виде зубчиков, волн, штриховки, полумесяцев. Часто орнамент в виде зубчиков присутствует в верхней части сосуда, а волнистый – в нижней. Некоторые сосуды имеют яркие по цвету горловину и плечики, а иные – целиком красного цвета. Часть сосудов окрашена изнутри и снаружи в темно-красный цвет. Ушки (ручки) к сосудам прилеплялись после окончания работы над предметом, а потому достаточно легко отламываются. Большая часть керамических изделий плоскодонные. Сосудов с круглым дном или с ножками мало. Основные виды поселенческой посуды: горшки (гуань), котлы (гэ), стаканы (бэй),

чашки (доу), плоски (пэнь) и пиалы (вэнь). Среди круглодонной посуды преобладают горшки (гуань) с одним или двумя ушками, ковшеобразные стаканы (бэй), плоскодонные горшки (гуань) и глиняные треножники. Изделия из камня на городищах представлены топорами, шарами, кольцами с высверленной серединой, скребками, пестиками, ступками, пряслицами, зернотёрками. Каменные кольца часто выполнялись в технике сколов, остальные предметы шлифованные. В погребениях керамика довольно однообразна по форме и орнаментации. В могильнике Чайваньган большая часть сосудов имели горшковидную форму, плоское дно и два больших ушка (ручки) в верхней части, но у некоторых дно было округлым. В Сигане горшкообразной плоскодонной керамики с широким горлом и двумя ручками в верхней части меньше половины, но значительное количество кринкообразных плоскодонных сосудов с небольшими ушками (ручками) посередине тулова. Круглодонные сосуды отсутствуют, но встречаются сосуды своеобразных форм, в том числе без ушек и один трипод.

В захоронениях могильников Хамадунь и Шацзин также намного чаще встречаются бронзовые изделия типа описанных в могильниках Сиган и Чайваньган (ножи, шилья, различные бляшки, колокольчики, серьги, бусы и другие предметы). Также упоминаются бронзовые и роговые наконечники стрел и даже костяные кинжалы, отсутствовавшие в Сигане и Чайваньгане. Железные изделия (тёсла, ножи и кинжалы) немногочисленны. Следует отметить, что первоначально с 40-х годов XX в. к культуре шацзин относили поселенческие комплексы (городища) эпохи бронзы, однокультурность которых с могильниками типа Сиган и Чайваньган вызывает большие сомнения. Очевидно, что по имеющемуся опубликованному материалу достаточно однородными скифоидными памятниками являются только могильники.

В параграфе 2.2 «**Культура янлан**» речь идет об археологических объектах данной культуры, погребальном обряде и инвентаре. Название культуры происходит от волости Янлан уезда Гуяоань в Нинся-Хуэйском

автономном районе. В рамках культуры янлан выделяются два типа погребений: погребения с подбоем (нишей), устроенным в восточной части могилы, и погребения без конструкций в ямах с отвесными стенками. Носители культуры имели весьма развитую бронзовую индустрию. При этом изделия, найденные при раскопках памятников этой культуры, существенно отличаются от синхронных артефактов восточной части северного степного пояса Китая. В захоронениях культуры янлан практически нет бронзовых сосудов с Центральной равнины, отсутствует собственная традиция изготовления бронзовой посуды. Таким образом, бронзовые артефакты в янлан имеют свои особенности. В числе бронзовых вещей предметы оружия, инструменты, конская сбруя и разнообразные украшения. Значительная часть предметов – с изображениями животных в особом стиле декоративно-прикладного искусства, который также очень специфичен.

Предметов из железа, относимых к культуре янлан, достаточно много: кинжалы, копья, псалии, удила, поясные украшения, кольца, иглы, пластины, браслеты, сельскохозяйственные орудия. Железных предметов раннего периода, кроме биметаллических кинжалов с бронзовой рукояткой и железным лезвием, ещё не найдено. Начиная со среднего хронологического периода, количество изделий из железа постепенно возрастало. Железные кинжал, копье, удила из погребения ШМ4 могильника Янлан традиционно считаются свидетельством позднего периода культуры – начиная с IV вв. до н.э. Автор придерживается следующей периодизации культуры янлан: *первый этап* (среднее-позднее Чуьнцю), *второй этап* (от начала до середины Чжаньго) и *третий этап* (от середины до завершающего периода эпохи Чжаньго), т.е. культура датируется со второй половины VII по III вв. до н.э.

В параграфе 2.3 «Группа памятников таохунбала» речь идет об археологических объектах данной группы (иногда именуемой культурой), погребальном обряде и инвентаре. Фактически, к культуре таохунбала отнесена масса замечательных, но плохо документированных изделий из разрушенных элитных погребений в северо-восточной части Ордоса к югу от

Хуанхэ. К близкому выводу пришла и Э. Банкер около 20 лет назад [Bunker, 1997], выделив на этой территории зону №2 с наиболее представительными могильниками Таохунбала, Алучайдэн и Сигоупань. Географически в этой части Ордоса область разделяется на две области – западную и восточную. Восточная область холмистая с глубокими оврагами, в то время как западная является опустыненной песчаной равниной. В I тыс. до н. э. климат Ордоса был более благоприятным на всей этой территории. Имелось значительное количество рек, значительный травостой и леса, что делало Ордос благоприятным местом для развития животноводства с круглогодичным выпасом скота. Некоторые захоронения, связываемые с этой культурой, видимо, относятся к VI в. до н. э. Так, в Икэчжаомэн были найдены бронзовые «восточные» удила с рамкой повода, характерные для VI в. до н.э., но проблема в том, что у нас нет данных о культурной принадлежности этого памятника. Большая часть памятников, судя по инвентарю, датируются в рамках IV–III вв. до н. э. Сохраняется определённая преемственность с более ранними памятниками, но антенные навершия кинжалов заменяются кольцевидными. В течение этого периода произошли следующие изменения: 1) во всё большем количестве стали изготавливать железные кинжалы, кельты, поясные крючки и удила; 2) увеличилось количество изделий из золота и серебра, нередко с зооморфными изображениями. В этот период появляется много новых престижных украшений костюма, головных уборов, пояса и сбруи, а также ожерелья. На поясе встречаются золотые бляхи, инкрустированные цветными камнями, изменяется конструкция сбруйных распределителей. Предпочиталось золото, но высоко ценились и серебряные изделия, также подчёркивавшие высокий статус умершего. В искусстве представлены реалистичные изображения животных, но встречаются и мифологические существа, среди которых особый интерес представляют копытные грифоны с рогами в виде головок хищных птиц.

В параграфе 2.4 «Культура маоцингоу» речь идет об археологических объектах данной культуры, погребальном обряде и инвентаре. Подавляющее

число памятников культуры – грунтовые могильники, локализующиеся к северо-востоку от излучины Хуанхэ, к югу от гор Маньхэньшань (район оз. Дайхай). Наибольшая концентрация могильников наблюдается в аймаке Улан-Цаб в уезде Лянчен. культура маоцингоу, датируемая в рамках второй половины VI–III вв. до н.э., может быть разделена на три этапа. *Первый этап* в общих чертах представлен памятниками первой хронологической группы могильников Маоцингоу и Госяньяоцзы. Характерный материал, относимый к этому периоду: горшки с раздутым туловом, сосуды с двумя ручками, «антенные» кинжалы, кольцевидные поясные пряжки, бабочковидные бляшки. Соответственно, первый этап датируется китайскими исследователями второй половиной VI – началом V вв. до н.э. Особый интерес представляет исследование начального этапа формирования культуры в районе озера. Судя по материалам могильника Синьдяньцзы, в этом принимали участие не только выходцы из гор Цзюньдушань (культура юйхуанмяо), продвинувшиеся к Ордосу примерно на 300 км в середине VI в. до н. э., но и группы населения типа юйхуанмяо, проживавшие там уже в VII в. до н. э. Туда же в район озера Дайхай в VI–V вв. до н. э., проникают группы населения культур шацзин и янлан, обитавших до этого в 600–900 км к юго-западу от озера Дайхай. Это первый случай в восточной части скифского мира, когда удалось с высокой степенью достоверности установить составляющие культуры на раннем этапе их формирования. *Второй этап* представлен памятниками второй хронологической группы могильников Маоцингоу, а также второй и третьей в Госяньяоцзы. Керамика слабо отличается от более ранней. Металлические изделия в основном представлены бронзовыми кинжалами, пряжками и бабочковидными бляшками. Вместе с тем, появляются измененные «антенные» кинжалы из железа, бронзовые кольчатые кинжалы, поясные крюки. Второй этап датируется V–IV вв. до н.э. *Третий этап* представлен памятниками третьей и четвертой хронологических групп могильника Маоцингоу, а также материалами могильника Инъюгоу. Количество железных изделий резко

возрастает, в их числе: кинжалы, чеканы, ножи, поясные крюки, бабочковидные бляшки, головки животных. Малых украшений в форме трубочек почти нет. В значительном количестве представлены погребения с северной ориентацией умерших. Третий этап датируется III в. до н.э.

Особо стоит отметить наличие на могильниках Маоцингоу и Инъюгоу двух типов погребений – широтных могил с ориентацией умерших на восток и меридиональных могил с северной ориентацией умерших. В могильнике Маоцингоу из 79 погребений широтная ориентация в 67 случаях, а в 12 – меридиональная. В Инъюгоу широтных погребений 16, меридиональных – 22. В этих двух группах различна форма и устройство могил, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь. Если в «широтных» погребениях имели место масштабные жертвоприношения и много параллелей с другими скифоидными культурами, включая юйхуанмяо, то в «меридиональных» жертвенных животных не было; многие изделия и черты погребальной обрядности имеют полные аналогии у «хуася».

Третья глава «Хозяйственная и социально-политическая жизнь кочевников скифского времени в Северном Китае: опыт реконструкции», в которой на основе всестороннего изучения археологических материалов с привлечением комментариев древнекитайских авторов выполнен анализ хозяйственного и политического уклада носителей археологических культур Северного Китая в эпоху раннего железа.

Параграф 3.1. **«Хозяйственный тип населения Северного Китая в раннем железном веке»** посвящен экономическому аспекту. По находкам жертвенных животных в захоронениях видно, что скотоводство занимало значительное место у носителей культур янлан и маоцингоу. Вместе с тем, редкая встречаемость костей домашних животных в погребениях культуры шацзин скорее свидетельствует об особенностях погребального обряда, а не о слабом развитии скотоводства, что подтверждается материалами поселенческих комплексов. Результаты полученной реконструкции хозяйства номадов эпохи ранних кочевников подтверждаются материалами позднего

средневековья, по которому имеется значительное количество информации из письменных источников. Такой подход может считаться корректным, поскольку изменения в хозяйстве кочевников за этот период были сравнительно небольшими. Совершенно точно можно судить о заметных различиях в составе стада и роли скотоводства у представителей каждой культуры, что не в последнюю очередь связано с климатическими особенностями различных частей Северного Китая.

Параграф 3.2 **«Политическая организация кочевников Северного Китая в раннем железном веке (в контексте взглядов на «скотоводческую цивилизацию»)»** посвящен вопросу существования государства у «ранних кочевников» Северного Китая.

В отличие от большинства культур скифского мира и царств Китая, захоронения кочевников Северного Китая слабо дифференцированы по размерам погребально-поминальных конструкций и инвентарю. Показательно, что в распространённых на огромной территории длительно существовавших культурах маоцингоу, янлан и шацзин нет ни одного элитного захоронения, многократно превосходящего по трудозатратам и инвентарю рядовые. Различия между ними сравнительно небольшие, и, по большей части, выражаются в количестве помещаемых в могилу черепов и костей жертвенных животных (янлан, маоцингоу). В культуре шацзин различий ещё меньше, поскольку жертвенных животных в могилы, как правило, не помещали. Тем не менее, определённая социальная дифференциация в кочевой среде «варваров» фиксируется уже в VI в. до н. э. как по археологическим данным, так по письменным источникам. В этой связи уникальным примером построения «варварами» своего государства стало Чжуншань. Чжуншань – государство, основанное кланом сяньюй из белых ди на завершающей стадии периода Чуньцю (722–481 гг. до н. э.). История этого государственного образования длинна и местами запутана. Просуществовало оно почти от начала до конца периода Чжаньго (481–221 гг. до н. э.). Примечательно: Чжуншань относилось к «царствам, способным

выставить тысячу колесниц», т. е. было достаточно крупным. Письменных сведений об этом государстве мало. В 70 и 80-х гг. XX в. некоторые вопросы о «государстве белых ди» были постепенно сняты вследствие целого ряда археологических открытий на территории провинции Хэбэй. Эти находки чаще всего относятся именно к эпохе Чжаньго.

Параграф 3.3 **«Взаимосвязь археологических культур Северного Китая и проблема их этнической атрибуции»** речь идет, с одной стороны, о контактах между исследуемыми культурами, а с другой – о том, позволяют ли близкие археологические материалы говорить об «этнусах».

Для культуры маоцингоу достоверно устанавливается преемственность с более ранней культурой юйхуанмяо. В ходе работы над диссертационными исследованием, установлено, что в районе озера Дайхай группы населения с культурой юйхуанмяо обитали уже в VII в. до н. э. Следовательно, культура маоцингоу формировалась не одномоментно в результате разовой миграции с востока носителей культуры юйхуанмяо. Очевидно, что население с культурой типа юйхуанмяо обитало в районе оз. Дайхай уже на раннем этапе этой культуры. Именно они могли составлять часть загадочных «северных» кочевников, с которыми до конца этапа №3 поддерживали связи жители в Юйхуанмяо. Судя по имеющимся материалам, культура маоцингоу формировалась в районе оз. Дайхай не только за счёт мигрантов с востока и юга, а на основе уже проживавшего там населения с культурой типа юйхуанмяо.

В российской археологии всё чаще дискутируется вопрос о сопоставлении археологических культур и этносов, поскольку связь между ними, как правило, малодоказуемая, даже при наличии письменных свидетельств о проживании на той или иной территории определённого «народа» или племени. Известно, что фиксируемая археологами материальная культура и даже погребальный обряд одного этноса может существенно различаться. И наоборот, различные этносы могут иметь очень близкую материальную культуру и погребальную обрядность. Согласно же

сложившейся в Китае традиции, все археологические культуры северных варваров соотносятся с тем или иным этнонимом, зафиксированным в письменных источниках. По нашему мнению, общие описания степени сплочённости кочевых масс из древнекитайских исторических трудов, с одной стороны, дают ценные свидетельства современников; с другой, по описанным выше причинам, мало сопоставляемы с той или иной археологической культурой. Одна из известных общностей северных варваров в источниках именуется «дунху». Ряд исследователей воспринимают его как этноним. Но это слово можно перевести с китайского языка и как «восточные варвары» – тогда речь идет только о конгломерате племен, близких между собой лишь географически. Можно воспринять «дунху» как «восточные ху», где «ху» есть название некоего союза племен или народа, а «восточные» – указание на определенную ветвь единой общности. Аналогичная ситуация с «линху» («лесные ху», «лесные варвары»). А между тем, наименование «ху» применялось и к населению западных регионов Китая, где археологические культуры были очень далеки от северо-восточных антропологически, по вещевому комплексу (хотя и могут быть все названы «скифоидными»), по хозяйственному укладу. Доказательством тому может служить обилие и разнообразие керамических изделий в Синьцзяне, при отсутствии находок подобного рода в Северном Китае. О земледелии на Тяньшане свидетельствует обнаружение в погребении M2069 могильника Янхай-2 культивируемой виноградной лозы. Это косвенно может говорить о заметном земледельческом компоненте у населения Западного края в раннем железном веке, чего мы не видим в материалах Северного Китая.

На основе материалов Северного Китая сформирована классификация образов (орёл, «мифический орёл», головка грифона, орёл-грифон, орлиный грифон, львиный грифон, синкретичные существа с чертами грифона). Отдельно рассматриваются стилизованные изображения.

Заключение

В диссертации рассмотрены три крупнейшие археологические культуры Северного Китая VI–III вв. до н. э.: шацзин, янлан и маоцингоу. Они отличаются однородностью памятников в рамках ареалов культур, стабильностью и длительностью существования, определённой территорией распространения. В сравнении с ними культуры Южной Сибири, расположенные на проходных путях и в более суровом природном окружении, за исключением тагарской в Минусинской котловине, выглядят мозаичными, довольно неоднородными и относительно нестабильными образованиями, существовавшими непродолжительное время (1–3 столетия). Достаточно сказать, что только в Алтайском крае для VI–III вв. до н. э. многими исследователями выделяются памятники четырёх археологических культур раннего железного века (староалейская, быстринская, пазырыкская, каменная), а также их локальные варианты. Уверенно установить их преемственность с предшествующими культурами не удаётся.

Вместе с тем, в Северном Китае (северная часть Ордоса) к настоящему времени выявлено значительное количество разнородных погребальных памятников так называемой культуры таохунбала, датируемых с IV по II вв. до н. э. Большинство из них представлено богатыми коллекциями из разрушенных или не документированных археологами элитных погребений с неустановленным погребальным обрядом и без антропологического материала. По всей видимости, эти погребения оставлены представителями разных групп населения, непродолжительно проживавших на данной территории в переходное время, т. е. III – нач. II вв. до н. э. На это, в частности, указывает наличие изделий с чертами хуннского облика II–I вв. до н. э. С учётом всего вышеуказанного и принятых в России критериев, группа памятников «таохунбала» пока не может считаться археологической культурой. В настоящую диссертационную работу эти материалы включены как источник аналогий, а также с целью объективного учёта всех основных культурных образований VI–III вв. до н. э. в Северном Китае. В противном

случае правомерно мог возникнуть вопрос, почему богатые коллекции выполненных в зверином стиле изделий, опубликованные во многих альбомах и каталогах, не нашли отражения в обобщающем диссертационном исследовании.

В очередной раз в настоящей работе нашло подтверждение предположение о двух «провинциях» («общностях») скифо-сибирского мира. В одну из них может быть включены археологические культуры европеоидов Синьцзяна, Казахстана, западной части Южной Сибири до Тувы и Западной Монголии включительно. В другую – культуры монголоидов Северного Китая, Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии. Культуры Минусинской котловины по ряду причин занимали между ними промежуточное положение уже с эпохи поздней бронзы. Сходство культур внутри этих общностей гораздо выше, чем за пределами. Скифоидные культуры, представители которых жили на территории современного Ганьсу, в автономных районах Нинся и Внутренняя Монолия, образовывали самую восточную «провинцию» скифского мира. При этом артефакты культур янлан, маоцингоу, группы таохунбала, «дворцовцев» Забайкалья и юйхуанмяо резко отличаются от материалов археологических культур Западного края, Казахстана и Горного Алтая, хотя общескифские элементы, несомненно, присутствуют. Рубеж между центральноазиатской и восточной общностями пролегал примерно по современной границе Синьцзяна и Ганьсу.

Выполненное диссертационное исследование является первым обобщающим трудом в данной области, и в известной мере позволяет закрыть ещё одно «белое пятно» в на карте скифского мира. Изложенные материалы, равно как и выводы, будут неизбежно пополняться и корректироваться по мере новых раскопок в КНР, публикации материалов изысканий и последующего перевода их на русский язык.

Опубликованные по теме диссертации работы

По теме исследования издано 19 работ, 7 из них – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований. Общий авторский вклад составляет 9,7 п. л.

Статьи в рецензируемых научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК:

1. **Шульга Д.П.** Международный выставочный проект «Терракотная армия – восьмое чудо света: путь оружия в судьбе Поднебесной» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 4. – С. 216–218 (0,3 п.л.).
2. **Шульга Д.П., Шульга П.И.** Проникновение пазырыкской культуры в Синыцзян // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16, вып. 4. – С. 24–29. (0,4 п.л.; авторский вклад 0,25 п. л.).
3. Комиссаров С.А., **Шульга Д.П.** Аварские древности как возможная основа для выделения археологических памятников жужаней // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 186–188. (0,3 п.л.; авторский вклад 0,25 п. л.).
4. **Шульга Д.П., Кальбинур М.** Опыт использования артефактов, оформленных в виде образов хищных птиц, для определения времени создания археологических памятников раннего железного века Синыцзяна (на примере могильника Дунхэйгоу) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 132–136. (0,4 п.л.; авторский вклад 0,25 п. л.).
5. **Шульга Д.П.** Проблема определения этнической принадлежности ранних кочевников Северного Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 7. – С. 61–67. (0,5 п.л.).

6. **Шульга Д.П.** Общность Таохунбала: краткое описание и вопрос статуса // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 10. – С. 246–252 (0,5 п.л.).
7. **Шульга Д.П.** Особенности интеграции древнего населения Нинся в общекитайское культурное пространство // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, вып. 4. – С. 42–46 (0,4 п.л.).

Монография:

8. **Шульга Д.П., Мерзликин А.А.** «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. – Новосибирск: Омега-принт, 2016. – 147 с. (8,7 п.л., авторский вклад 4,25 п. л.).

Коллективная монография

9. **Шульга Д. П., Комиссаров С. А., Богданов Е. С.** (Культуры раннего железного века за пределами исторического региона Восточная Азия): Север современной КНР // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. – М.: Вост. лит., 2016. – Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н. э. – С. 876–885. (общий объем монографии 73,5 п.л., объем раздела 0,7 п.л., авторский вклад 0,25 п. л.)

Статьи в научных периодических изданиях и сборниках конференций, включенных в список РИНЦ

10. **Шульга Д.П.** К вопросу о стилизованных изображениях грифона (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая) // Теория и практика археологических исследований. – 2008. – № 4. –С. 137–145. (0,4 п.л.).

11. **Шульга Д.П.** Культуры кочевников IV–III вв. до н.э. на востоке провинции Ганьсу // Древности Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов, посвященный юбилею В.И. Соенова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – С. 136–140. (0,4 п.л.).
12. Шульга П.И., Гирченко Е.А., **Шульга Д.П.** О хронологии могильника Юйхуанмяо (Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. –Т. XVIII. – С. 316–320. (0,5 п.л.; авторский вклад 0,2 п. л.).
13. **Шульга Д.П.** Хозяйство кочевников раннего железного века Северного Китая и проблема оленных камней // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 378–381. (0,4 п.л.).
14. **Шульга Д.П.** Исследование «северных варваров» Китая по материалам отечественных исследователей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2015 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. – С. 462–465. (0,35 п.л.).
15. Шульга П.И., **Шульга Д.П.**, Гирченко Е.А. Происхождение сифоидной культуры Маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 321–324. (0,4 п.л.; авторский вклад 0,2 п. л.).
16. Шульга Д.П., **Шульга П.И.** Скифоидные культуры на территории Китая в VII–III вв. до н.э. и их связи с номадами Саяно-Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН

- 2015 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 466–469 (0,4 п. л., авторский вклад 0,25 п. л).
17. **Шульга Д.П.**, Шульга П.И. Архитектура погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры и особенности их археологизации // Баландинские чтения: материалы заочной науч. конф. –Новосибирск: НГАХА, 2016. – Т. 11. № 1. – С. 72–76. (0,4 п. л., авторский вклад 0,25 п. л).
18. Шульга П.И., **Шульга Д.П.** Скифоидные культуры на территории Китая в VII–III вв. до н.э. и их связи с номадами Саяно-Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2015 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 466–469. (0,4 п.л.; авторский вклад 0,25 п. л.).
19. **Шульга Д.П.** К вопросу о протогосударственных образованиях ранних кочевников Южной Сибири и Китая // IV Северный археологический конгресс: материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. – С. 153–155. (0,3 п.л.).